

ПАМЯТНИКИ КУЛЬТУРЫ, КАК ЧАСТЬ НООСФЕРЫ

К.П.Флоренский

Прежде всего, я должен пояснить название своего доклада — доклада, в котором мне хотелось бы ввести вас немножко в другую сферу мысли, естественно-исторических наук, которые сейчас тесно примыкают к гуманитарным наукам и искусству, но которые остаются несколько в отрыве от дискуссий, проводящихся в среде художников, архитекторов, градостроителей.

Что такое ноосфера? Это слово происходит от греческого слова «ноос» — разум. Значит — это сфера разума, термин, который широко использовал геохимик Вернадский.

Ноосфера — это то, во что превращается биосфера. В газетах сейчас об этом много пишут. Очевидно, особо это разьяснять не следует. Но кратко скажу, что человек неотделим от среды своего обитания. Техническая мощь человечества сейчас так велика, что его влияние распространилось на всю природу. Девственной природы не существует, также как не существует человека вне природы. Город является частью «природы» и не должен противопоставляться ей.

Вопросы градостроительства не должны рассматриваться оторвано от вопросов охраны природы. Для граждан города природой является улица.

Взаимоотношение человека со средой стало одним из наиболее больных вопросов современности. А к понятию среды существования разные науки подходят по-разному. Существует много терминов, которые не являются синонимами, но все более или менее глубоко отражают различные особенности окружающей среды — ландшафт, биогеоценоз, географическая оболочка Земли, «природа», биосфера и т. п. Это несколько объективные описательные названия. Другая группа названий подчеркивает роль человека в изменении среды. Такие термины, как экологическая ниша, антропогенная оболочка, техносфера, природно-промышленный комплекс, более или менее глубоко отражают различные особенности окружающей среды или подчеркивают роль человека.

В архитектуре часто используют слово «ландшафт» (существует даже термин «ландшафтная архитектура»), понимание которого у географов и художников резко различно. У художников в нашем сознании термин «ландшафт» часто сильно сближается с

термином «пейзаж», в то время как ландшафт включает все особенности данного района, включая состав почв, направление ветра, климат, глубину водоносного горизонта и т. п. Значит, с этой точки зрения, ввиду некоторой путаницы, которая возникает в сознании, термин «ландшафт» не очень удачен, мне кажется.

И вторая особенность этого термина, по которой не хотелось употреблять его в названии доклада.

Дело в том, что учение понятия о биосфере, как единой оболочке целой оболочки, наиболее широко развито в учении В.И.Вернадского. И термин «биосфера», в отличие от «ландшафта», и подразумевает охрану всей среды, а не наблюдение отдельных маленьких кусочков, окружающих данный город, данного человека, где бы они ни находились. Это позволяет рассматривать всю «среду обитания» как единое целое.

Это, по сути дела, то, к чему призывал предыдущий докладчик, когда говорил, что сейчас приходит время, когда нельзя при планировании, особенно долгосрочном планировании, мыслить категориями строительства или охраны отдельных исторических памятников, отдельных зданий, отдельных кварталов, даже отдельного города. Мы должны мыслить большими категориями — района или области, а по сути говоря, и Земли всей в целом.

Таким образом, здесь под ноосферой мы понимаем всю совокупность условий, которые окружают человека и находятся под его сознательным или бессознательным воздействием. Географический ландшафт в этом отношении является частью, одной из элементарных ячеек ноосферы.

А памятники культуры, особенно памятники культуры, имеющие большое пространственное распространение, приобретают особое значение. Как и всякий заповедник, памятник культуры является таким островком, на котором приторможен бег времени. И как в замедленной съемке, мы, глядя на этот участок, можем лучше понять существо тех изменений, которые происходят вокруг нас, и оценить их влияние. Естественно, чем шире круг изучаемых явлений, чем глубже идет их изучение (или эмоциональное восприятие, о чем постараюсь говорить как можно меньше, потому что это наиболее ясная часть), тем шире должна быть заповедная территория, тем строже должна вестись и охрана этой зоны. В принципе размер любого заповедника (природного или культурного) должен быть достаточно велик, чтобы обеспечить достаточную независимость изучаемых явлений или впечатлений от изменения окружающего пространства.

Здесь мы будем говорить о территориях, соизмеримых с географическим ландшафтом или территорией старого города.

Сразу возникает вопрос о том, насколько целесообразно выделение заповедников, нужно ли этим заниматься с экономической и идеологической стороны?

В Директивах XXIV съезда КПСС по пятилетнему плану записано: «Обеспечить разработку научных основ охраны и преобразования природы в целях улучшения естественной среды, окружающей человека, и лучшего использования природных ресурсов».

Спрашивается, имеет это какое-нибудь отношение к теме сегодняшнего заседания или никакого отношения не имеет?

Я считаю, что нельзя понимать это односторонне, подразумевая под «ресурсами» чисто материальные продукты, а под «природой» некую абстракцию, оторванную от человека, а не реальную жизненную обстановку во всей ее сложности.

Целью коммунистического строительства является создание оптимальных условий для существования и всестороннего развития человека с его материальными и духовными потребностями. И создание этих оптимальных условий не мыслимо без понимания того, что этим строительством мы перестраиваем природу.

К сожалению, может быть одним из наиболее тяжелых моментов является то, что мы далеко не знаем этих оптимальных условий и часто ищем их почти ощупью, опираясь на накопленный опыт, который необходимо постоянно изучать. Но все строительство должно идти, не перечеркивая и уничтожая накопленные ценности, а дополняя и развивая их.

Несомненно, что человек во взаимодействии со средой своей жизни имеет двойственную природу.

С одной стороны, весьма постоянную физиологию и психофизиологию, установившуюся в результате биологической эволюции за миллиарды лет в биосфере и требующую консервативных условий среды жизни.

Напомню вам, что все человечество во все исторические времена примерно одну треть своей жизни проводит при температуре около 30° и влажности 90% (я имею в виду постель). И отклонение буквально в несколько градусов от этого оптимального режима может привести к серьезным сдвигам в организме человека.

Но, с другой стороны, человек как социальное существо имеет резко меняющуюся идеологическую надстройку и представление о «потребностях», связанные с развитием социальной среды, которые должны быть также удовлетворены в процессе планирования строительства и в процессе реального строительства.

В истории строительства, как вы знаете, четко выделяются две различных эпохи.

Первая, которая характеризуется ручным трудом, отсутствием плановости и которая практически занимала всю историю человечества до недавнего времени. Она характеризуется очень медленным изменением окружающей среды и очень малой

мощностью средств. Там человек приспособлялся медленно, шел ощупью, находил для себя какие-то оптимумы. Характерным для этого периода является большое постоянство человеческих поселений. Тут говорилось о том, что в пределах центральной части РИсследовалось время существования нор песцов в тундре и сурков на юге в степях Казахстана радиоуглеродным методом. Оказалось, что время существования «сурчин» определяется тысячами лет. Реально, с послеледниковой эпохи эти конкретные норы были заселены, и сурки или песцы продолжают жить там же. Это говорит о том, что существуют корни какие-то очень глубокие, до конца нами не понятые, которые требуют большого постоянства условий и соответственно хорошего их изучения. Это первая эпоха.

Вторая эпоха связана с индустриальным строительством в период научно-технической революции, началась недавно, но мерилom здесь является мощность машин, при этом резко меняются условия расположения городов, предъявляются иные требования к источникам водоснабжения, рельефа, транспорта и т. д. Тут человек получил в руки громадную силу, и нужно быть достаточно осторожным для того, чтобы не применить эту силу во вред себе, чтобы использовать ее так, как нужно. Поэтому само применение мощных технических средств, применение массовой застройки, к которой мы вынуждены идти, требует очень внимательного и серьезного изучения всех условий и их предполагаемых изменений. А мы, в общем, честно говоря, не готовы к этому. Мы не знаем оптимальных условий, которые нужны человеку. Мы говорим лишь о том, что происходит уничтожение противоположностей между городом и деревней, но как это будет конкретно выглядеть в архитектурном, в градостроительном плане, я думаю, вряд ли кто может четко сказать. А ведь это та среда обитания, которую мы создаем.

Градостроители хорошо понимают свою неспособность видеть далеко...

Прошу меня извинить. Я вижу улыбки, но я считаю, что это является хорошим качеством.

Вы посмотрите, генеральный план составляется до 2000 года. Всего на 25 лет; но ведь самые дешевые постройки, деревянные домишки (я не говорю о каменных) не 25 лет будут стоять, а 50 лет. И вы все отлично это понимаете. Город, кварталы, улицы должны планироваться, по крайней мере, на сотни лет, на 4–5 периодов смены домов, прежде чем сменятся улицы, кварталы, районы расположения города. Это не делается. Почему? Потому, что мы не способны конкретно видеть город таким, каким он будет через 200 лет. Но в то же время, если от архитектора-проектировщика и не требуют ответственности за правильность решения плана на 200 лет, раз ему дается требование на 25 лет, мысленно это видеть прежде, чем начать планировать, он обязан.

И в этом отношении сохранение старых центров городов, городов-заповедников, которые помогают сравнивать старые условия жизни с новыми, крайне важно. Они помогают этот фактор незнания сгладить, помогают создать действительно рациональные условия существования.

До сих пор я старался оставаться в рамках чисто рациональных научных терминов, подчеркивая просто, что вопросы сохранности старых городов нужны не только в эмоциональном плане, но и в научном плане для того, чтобы лучше понять требования, которые мы в будущем предъявим строительству.

Теперь еще одна сторона вопроса. Оставаясь в рамках рациональных терминов, мы можем рационально говорить об экономике, мы можем говорить, насколько мы выгадываем, сокращая или улучшая транспортные трассы. Мы выгадываем настолько-то человеко-часов работы, это даст такую-то экономию в рублях. Но когда мы переходим к эмоциональным вещам, то мы должны помнить, что реальная архитектура в каждый момент времени должна решать такую иррациональную задачу, как выражение эмоциональных понятий (красота, уют, счастье, в конце концов) в денежном эквиваленте. Ведь это общественные средства затрачены на улучшение внешнего вида города, на улучшение благосостояния города. Сколько мы можем на это тратить рационально? Не известно. Рационально этот вопрос решить нельзя, и я думаю, что очень долго будет нельзя, а может быть никогда нельзя будет найти рациональное решение. Но подойти к этому вопросу можно, только глядя на прошлое, глядя на примеры. Значит в эмоциональном плане нам примеры сохранения старых больших ансамблей, ландшафтов чрезвычайно важно.

Идея развития ландшафта, хотя и не заложена в ряде случаев в плане на 25 лет, особенно в тех случаях, когда мы говорим об охранных зонах, где по сути центром внимания становится консервация этих зон, должна быть заложена в голове планирующего архитектора. Нельзя превращать охранную зону в индейскую деревню, где живут нищие, не пользующиеся никакими удобствами современной жизни. Надо найти оптимум. Это крайне сложная задача, задача не только эмоционального, но и научного плана. Если такой четкой идеи развития плана нет на 25 лет, на 200 лет, если сам архитектор не уверен в том, что он действительно прав, то было бы более честным оставить такой центр по возможности в покое. В этом отношении я обращаю ваше внимание на то, что если оставлять ядро старого города зажатым между районами новыми, то обязательно вынужденно он попадет под влияние этого нового, хотя бы вследствие необходимости прорубания транспортных артерий, изменения ландшафта, засыпания оврагов, изменения всего водного и растительного режима старого города. Поэтому, мне кажется, что очень важно подчеркнуть

такую мысль, что надо все-таки стараться районы массовой застройки отодвигать по одну сторону от города, от центра старого города.

Еще раз позвольте мне выразить уверенность, что вам не показалось мое выступление слишком чуждым, поскольку я все-таки говорил на несколько другом языке и с других позиций, но что вы ясно представляете себе в своей реальной рабочей деятельности, что требования жизни очень часто опережают наши знания, надо сделать скидку на незнание.

(Аплодисменты)